

мотив «избавитель» обещает социальные преобразования».

³ Под псевдонимом автора статьи «А. Алымов» скрывался Борис Николаевич Ширяев (1889—1959), писатель, журналист, сидевший на Соловках с 1922 по 1929 г., невозвращенец.

Литература

1. Алексеев В.В., Нечаева М.Ю. Воскрешение Романовы? К истории самозванчества в России. XX в. Ч. 1. Екатеринбург, 2000.
2. Алымов А. [Ширяев Б.] «Иван-царевич» // Наша страна. [Аргентина] 07.08. 1949. № 24. С. 2—3.
3. Ахметова М.В. Конец света в одной отдельно взятой стране (в печати).
4. Боева Л.А. Деятельность ВЧК-ОГПУ по формированию лояльности граждан политическому режиму (1921—1924 гг.) М., 2003.
5. Великанова О.В. Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. 1994. № 2. С. 177—185.
6. Левкиевская Е.Е. Народный культ Царя-мученика и проблемы идентичности в современном русском обществе // Культура сквозь призму идентичности. М., 2006. С. 183—208.
7. Немировский А.А. Слухи и сплетни в белогвардейском лагере // ЖС. 2007. № 4. С. 10—11.
8. Неизвестная Россия: XX век. М., 1993. Т. 1—4.
9. Окунев Н. Дневник москвича (1917—1924). М., 1997. Т. 1—2.
10. Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК—ОГПУ в Сибири. 1918—1929 гг. М., 2007.
11. Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003.
12. Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. М., 1991.

Сокращения

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва
ЦГАИПД — Центральный государственный архив историко-политических документов, Санкт-Петербург

Выражаю благодарность за консультации и подсказки ценных примеров Е.Е. Левкиевской (Ин-т славяноведения РАН), А.А. Макарову, А.В. Эйсмону, Н.В. Васильевой (историко-просветительское общество «Мемориал»), Г.Г. Сунерфину (Исторический архив Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen).

Работа написана в рамках проекта «Русские глазами русских» РГНФ № 06-04-00598а и является частью исследования, проводимого при поддержке гранта ДААД «Иммануил Кант» (2007—2008 гг.) в Институте исследований Восточной Европы при Университете Бремена, Германия (Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen)

ПО СЛЕДАМ ЭКСПЕДИЦИИ В ВЕЛИКУЮ ГУБУ (ЗАОНЕЖЬЕ)

Летом 2007 г. в ходе экспедиции музея-заповедника «Кижи» в с. Великая Губа я побывала в доме Абрамовых — знаменитых заонежских иконописцев. Михей Иванович Абрамов (1830—1912) и его сын Иван Михеевич Абрамов (1869—1949) из заонежского села Космозера с детских лет постигали азы иконописи от мастеров старообрядческого Даниловского монастыря (Выговской пустыни), затем обучались в иконописной мастерской Соловецкого монастыря. Со временем они, числясь крестьянами, стали профессиональными иконописцами, освоившими технологию темперной живописи. Кроме написания икон, росписи «неба» — церковного потолка, они брали заказы на изготовление киотов, окладов, на резьбу иконостасов, поновляли старые иконы, занимались росписью домов, конских дуг, саней, прялок... Михей Иванович к тому же вел книги-календари по предсказанию погоды, которые обычно сбывались.

Дом Абрамовых в Космозере был красивым, с нарядно расписанными окнами со ставнями и балконом. На фоне фасадной части дома в 1926 г. было заснято всё семейство Ивана Михеевича. Сейчас дом стоит в с. Великая Губа, он был перевезен из Космозера в 1965 г. внуком Ивана Михеевича — Василием Петровичем Абрамовым (1925 г.р.).

Я беседовала с Василием Петровичем Абрамовым и его дочерью Натальей Васильевной Подгорной, правнучкой Ивана Михеевича. Речь моих рассказчиков — людей среднего и преклонного возраста, отличает типичная для этой деревенской семьи грамотность, глубоко усвоенная с детства и не искаженная образом современной жизни (армия, работа в совхозе и т.д.).

По воспоминаниям Натальи Васильевны Подгорной, семья Абрамовых «была очень дружная. Дети воспитывались в строгости, старики доживали свой век в почёте и уважении. Соблюдились посты и праздники». Василий Петрович по семейным рассказам помнит: «Прадеда — Михея Ивановича мальчиком заприметили монахи Соловецкого монастыря и упростили родителей отдать его на обучение иконописи в монастырь на несколько лет. Когда он вернулся в Космозеро, ему поручили роспись новой космозерской церкви (церковь не сохранилась). Сын, Иван Михеевич, мой дед, перенял от него искусство иконописи: писал ико-

ны, расписывал прялки, дуги, сани и занимался резьбой по дереву. У деда была мечта обучить всему и меня, своего внука, но я в семнадцать лет ушёл на фронт и после окончания войны служил в Чите, Омске... Вернувшись в Заонежье, стал жить в доме своего деда — Ивана Михеевича. Дом в Космозере стоял в десяти метрах от озера, в низине. Рядом была баня и амбар. Недалеко стояла часовня. За деревней — рига с гумном. Зароды стояли на поляне в три-четыре огромных столба на два канта¹. Жерди из ели. В Толвуде было много ветряных мельниц. Мололи муку и в соседнем Селецком на водяной мельнице. Мой отец, Абрамов Пётр Иванович, иконописцем тоже не стал, но был отменным маляром. <...> Наш дом был построен на горке, в трёхстах метрах от озера, а потом его с прадедом Михеем Ивановичем по следам перекатали вниз, ближе к озеру. Дом был с огромным сараем и скотным двором с хлевами под одной крышей с жильём. Держали двух лошадей с выездной и простой упряжью, трёх коров и быков, овец. Быков по деревням держали только справные хозяева, по очереди, забивая своего быка, когда подращивался у кого-нибудь другой бык. Деревню без быков не держали, на стадо бывало до двух быков. В Космозере тогда было три стада (по деревням — Демидово, Артово и Погост). В каждой семье — по одной корове: это уже «святая святых», а у некоторых и по пять-шесть коров. Пастбищ не хватало. Свиной держать моды не было в Заонежье.

Сеяли ячмень, рожь, овес, лен, коноплю (мало). Пшеницу не сеяли. Много растили луку, турнепсу, репы, моркови. В печке репу, брюкву выпаривали — деликатес! Огурцов и помидор не растили.

На полях камни грудовые (ровницы)² складывали, огромные непосильные камни забрасывали камнями помельче. Изгородь «косяками» ставили только справные хозяева: жердь еловая, окорённая, стояла веками. Такая изгородь стояла веками. Два хороших кола в изгородь не ставят: один — еловый или вересовый, а другой — осиновый или окорённый берёзовый.

Первый этаж был жилым. На втором этаже была его иконописная мастерская — «святая святых», и вторая рядом — столярная мастерская. В мастерских стены были бревенчатые, на Рождество стены и полы натирали голиками до желтизны. Панелями была

обита комната, расположенная рядом с чуланом. За коридором располагалось три чулана (один чулан был жилой, с русской печкой).

Лес сворачивали сами. Брёвна были толстыми, не менее двадцати шести сантиметров в диаметре. Лес кондовый, рудовый. Возили его из-под Пегремы. У самостоятельных хозяев и дома стояли на века. Фундаментов не было, дом стоял на камнях. На постройку дома нанимали плотников. Стены мшили мхом болотным — "медвежником". Мох — длинный, жёсткий. Мшили и озёрным мхом. Такой мох — мягкий, растёт у побережья озера в тресте³; но с ним много возни: надо сушить, очистить от сухого тростника. Его брали весной, по кирзе⁴ собирали со льда, когда сверху вода: мох выносит на лёд, и можно собирать граблями и вилами, вынося на берег. На берегу мох расстилали, просушивали, а затем перемалачивали [разминали] камнями и растряхивали вилами для очистки от мусора и тростника. Дом из Космозера перевозили на тракторе "С—80". Дом в Великой Губе поставлен из родных, космозерских брёвен: ни одного бревна не выкинуто, ни одного нового не поставлено. Стены и потолки щитовые, оконные рамы — все родные, двери филёнчатые, "наплавные" [т.е. филенки сделаны из цельной доски]. <...> Это сейчас стены снаружи обшиты вагонкой, внутри — отделаны сухой штукатуркой и оклеены обоями. Наличники, ставни перевозить не стал: окна-то я переиначил. Бывший коридор в перевезенном доме стал жилым, просторным помещением». Василий Петрович был явно доволен своим домом.

На мой вопрос: «Почему вы решили перевезти дом из Космозера и поставить его не двухэтажным, а только в один этаж?» — Василий Петрович ответил: «А к чему мне двухэтажный? Три года я с женой ходил на работу из Космозера в Великую Губу (я работал на транспорте дорожником) по двенадцать километров (туда и обратно — двадцать четыре километра) каждый день, в любую погоду. В пять утра вставали, хозяйство обихаживали, и ни разу не было случая опоздать на работу. А в Великой Губе тогда каждый дом и даже чердачок были заселены: это ведь был районный центр!

В семье было четверо детей, мытарилась день и ночь. Сейчас — полная безалаберность. Я восемнадцать лет проработал в совхозе "Прогресс". В хозяйстве совхоза было тогда сто шесть тракторов, не считая всякой сельхозинвентарь, девяносто шесть автомобилей

(грузовые, автокраны, самосвалы, медпомощь...). Тогда в Великой Губе было шесть скотных дворов, оснащённых всей механизацией. Сколько складов райпотребсоюза было!!! В 1985 году вышел на пенсию и ни одного дня больше работать в совхозе не стал».

Иван Михеевич, по воспоминаниям внука, «был очень грамотным, его голыми руками не возьмёшь. В колхоз он так и не вступил. Приходили агитировать, но он их выпроваживал, говоря: "Не агитируйте, а лучше говорить научитесь", — сам был очень начитанным. Его так и не раскулачили, хоть и было у нас две лошади (Стёпка и Валька). Держали мы их до 1933 года, потом всех налогами обложили. Сначала продали коня, а потом и лошадь, которую мне дед подарил в пять лет и отгородил на конюшне место для жеребёнка. Дед меня очень любил.

В его иконописной мастерской было много икон, рулонов с эскизами икон, ящички с красками и кистями. Но детей туда не пускали: всегда запирали дверь на ключ, она была недоступна никому. Печь топили из соседней мастерской, чтобы пыли на иконы не наседало. Дед красок не покупал: не доверял покупным. Олифу кипятил несколько раз, иначе в употребление не пускал. Десятки лет краскам ничего не делалось. Охру жёлтую заготавливал на горке в Космозере. Крупные куски долбил и пускал на краскотёрочную машину, а потом растирал на каменной плите каменным стержнем в форме стакана. Затем растирал порошок с добавлением олифы, льняного масла и яичного белка. Недаром краски стояли, и никакая атмосфера их не брала. Червонного золота столько было в ящичке, целая книжка; да всё куда-то разлетелось. Красок в пакетах подписанных было много. И сейчас на чердаке моего дома они сохранились».

Достав из ящичка несколько пакетиков с сусальным золотом и разными красками, Василий Петрович решил отдать их музею «Кижь» в дополнение к той утвари, которую он передал музею во время перевозки дома в Великую Губу (эскизы, церковные книги, краски, краскотёрочная машина и др.).

В доме сохранились некоторые столлярные инструменты. «Раньше инструмент у деда был весь иностранного происхождения. Когда дед ослеп в 1950-е годы [?], многое он продал или раздал. А инструментов-то было!.. Многое он отправил зятю в Петрозаводск, да так, кажется, и с концом».

Сейчас на стене бывшей иконописной мастерской висит карандашный портрет Ивана Михеевича Абрамова,

выполненный известным в Карелии художником Георгием Адамовичем Стронком.

«В соседней избе с иконописной мастерской была столярная мастерская, стоял верстак, все части которого соединялись маленькими деревянными гвоздиками. Резьба деревянных винтов при зажиме выдерживала больше нагрузок», — дополнила рассказ Наталья Васильевна. «Здесь он красил дуги, выездные сани, тарантасы, шарабаны, кресла, расписывал иконостасы, ездил по всей округе, расписывал церкви, часовни, дома, — продолжил Василий Петрович. — Дом Хаповых в Терехове расписывал, возможно, Иван Михеевич. Красивая, щедрая роспись до сих пор сохранилась хорошо. Всё время ходил по подрядам, не нуждался ни в чём — ни в деньгах, ни в золоте. Он умер четвёртого сентября, а я из армии приехал, узнав о его плохом здоровье, только девятого сентября. Жаль — я не застал его живым. Любил он меня страшно, прямо с губ не спускал моё имя: дед хотел мне, видимо, золото передать, но я золота так и не нашёл при раскатывании дома в Космозере. На месте прежнего дома сейчас стоит небольшой домик Востряковых (приезжают на лето)».

В годы войны, по рассказам бабушки, жены Ивана Михеевича, Анастасии Александровны Куницыной, знаменитой вышивальщицы в Заонежье⁵, в доме Абрамовых в Космозере во время оккупации жили начальник финского штаба и капитан. «Когда финны пришли, сразу старост назначили, и новые начальники забрали у Ивана Михеевича выездную и рабочую упряжь и корову. Дед рассказал об этом финнам, и они наказали этих двух старост розгами и плетью, и они на коленях просили у Абрамова извинения. А Ивана Михеевича в старосты не заманишь: страну не предал бы. На финнов ему обижаться причин не было. Финны пришли и лошадей раздали по рукам, и заставили работать, пахать; крестьянство не нарушили, но урожай требовали. Не любили воровства — наказывали крепко: на первый раз один палец отрубали, а потом и по локоть. А я ещё удивлялся, почему у некоторых нет пальца. Финны хотели прокопать канал для прямого сообщения из Великой Губы в Космозеро через залив Святуха — Кажма — Пабережье и в Большое Онего.

Дед и бабушка рассказывали, как в Космозере в 1942 году Успенская церковь и колокольня при финнах сгорели, а Александровская церковь даже не потемнела от пожара. Случилось это как чудо: именно в это время западный ветер вдруг сменился на восточный».

ЭКСПЕДИЦИЯ В ЮЖНУЮ ТУВУ

Вспоминая о деде, Василий Петрович сказал: «Сам самовар грел и чай разливал; продукты с корзиной сам ходил покупать, — и по секрету добавил: — Дед в день четверть водки выпивал, утром — три-четыре рюмки, поработает вверху в мастерских часа полтора — и опять примет три-четыре рюмки; работая, помурлычет что-нибудь: песни петь любил, и я тоже всяких песен нахватался. Мама тоже пела очень хорошо».

Беседа с Василием Петровичем, по его словам, всколыхнула в нем «память о том времени»: «Я очевидец, как наши трюжили церкви, рясы поповские и всё церковное, и колокола на землю бросали в 1936—1937 годы. Купола подпиливали: у стариков всё было сделано крепко. Помню, как канаты накидывали на купола, скидывали их. В колхозное время в колокольне была устроена силосная яма, а в Успенской церкви — клуб, при финнах — столовая, а потом церковь и сгорела».

Интерес представляют сохранившиеся фотографии, сделанные финнами Ларсом Петтерссоном и Ойвой Хелениусом в период оккупации в 1942—1943 гг., а также старинные семейные фотографии. Желательна повторная поездка в Великую Губу с целью возможного приобретения этих документов.

Примечания

¹ *Кант* — бревно, стесанное с двух или четырех сторон; брус.

² *Ровницы* — камни, снятые с поля и сложенные в ряды или кучи на меже.

³ *Треста* — высокая трава в воде у берега.

⁴ *Кирза* — лед на замерзшем озере, когда на нем весной уже появляется вода.

⁵ А.А. Куницына, по воспоминаниям Н.В. Подгорной, «даже когда ослепла, вышивала наощупь так, что не отличишь от вышитых ею изделий зрячей. Прежде вышивали при керосиновой лампе, от постоянного напряжения глаза ослепли. Ослепла она в одно время с Иваном Михеевичем, так и жили по памяти. Дед и бабушка были очень сильными людьми». Вышитые Куницыной изделия не сохранились: по словам Василия Петровича, «не надо было ничего дуракам, так у нас ничего и нет. Теперешним бы умом всё было бы не так». А Наталья Васильевна добавила: «Ничего не сохранилось в нашей семье от тех лет богоборчества».

В.А. ГУЩИНА,

Гос. историко-архитектурный
и этнографический
музей-заповедник «Киж»
(Петрозаводск)

В конце мая — начале июня 2006 г. силами Красноярского государственного университета была организована орнитологическая экспедиция в южную Туву. Основной ее целью было выявление состояния популяций редких видов птиц (в первую очередь соколообразных), а также мониторинг состояния уникальной гнездовой популяции горного гуся (*Eulabeia indica*) в устьевой части реки Каргы Монгун-Тайгинского кожууна. Протяженность автомобильного маршрута по южной Туве составила около 1300 км. Попутно собирались этнографические материалы. Особое внимание участников экспедиции привлекли различные природные объекты и сооружения, являющиеся культовыми местами или местами поклонения духам природы.

Одним из самых примечательных знаков Тувы являются *оваа* — святые места, межевые, пограничные указатели, ориентиры в виде кучи камней на вершинах гор, буграх, холмах, перевалах. Оваа издавна создавались человеком для поклонения духам природы.

Оваа, сложенные только из камней (в виде куч, а также в виде невысоких колонн или столбов), встречаются лишь на вершинах гор и, по всей видимости, выполняют только функцию ориентиров.

Оваа у дорог имеют полусферическую или шатровую форму. На некоторых перевалах их размеры достигают 1,5–2 м в высоту и 6–8 м в диаметре. Как правило, на этих оваа имеются закрепленные камнями поставленные вертикально стволы небольших деревьев или длинные ветки (на безлесные перевалы явно привезенные издалека). Путники вешают на них специальные молитвенные флажки с отпечатанными текстами на санскрите, а также *чалама* — разнообразные разноцветные куски ткани (вплоть до новых шелковых женских шарфов). Иногда такие тканевые фрагменты встречаются и вне типичных оваа. На перевале Хамар-Даба (между пос. Шуурмак и Самагалтай) отмечен целый участок елового леса, где нижние ветви деревьев сплошь увешаны чалама.

Еще один атрибут, но только некоторых, видимо, особо значимых оваа — небольшие штампованные глиняные, покрытые коричневым лаком, скульптуры Будды, оставленные паломниками.

Мы неоднократно видели, как путники останавливались на перевалах

у оваа и клали в кучу камней свой камень.

Чалама встречаются также и в других значимых местах, в частности у водных источников, что связано с местным культом животворящего родника. Здесь разноцветные куски ткани бывают просто развешаны на ветвях рядом с источником. В этих местах не бросают мусор и не рубят деревьев.

Другими достопримечательностями Тувы являются *ступы*. Они встречаются гораздо реже, чем оваа. В течение всего нашего пребывания в Туве нами отмечено всего три таких объекта.

Небольшая ступа располагается в районе пос. Кызыл-Мажалык. Это небольшое — около метра в высоту — сооружение, сложенное из цементированных плоских камней, покоящееся на массивном бетонном постаменте. В ступе находится ниша, в которой помещена статуэтка Будды и лежат подношения путников — монеты, зажигалки, сигареты, игрушки. На постаменте прикреплена мраморная доска с буддийскими молитвами (на монгольском и тувинском языках).

Вторая ступа, более крупных размеров — около 5 м в высоту, — находится на перевале Хамар-Даба. Основание ее сложено из цементированных плоских камней, сама ступа оштукатурена и покрыта белой известью. Ступа находится на земляном возвышении, к ней ведут ступени, она обнесена простым деревянным забором, у входа стоят два сделанных из бетона и выкрашенных белой краской дракона. На заборе и на растяжках, прикрепленных к основанию шпиля ступы, располагаются оставленные путниками специальные молитвенные флажки и куски ткани. В верхней части ступы имеется небольшая обрамленная желтым «наличником» ниша со статуэткой Будды внутри. Куски ткани и молитвенные флажки путники также в большом количестве оставляли около этой ступы, помещая их на ветвях деревьев.

Самая большая и самая красивая ступа находится на окраине пос. Тээли. Ее размеры: ширина основания — около 5 м, высота — около 7 м. Сооружение располагается примерно в 500 м от окраины поселка. Ступа тщательно выкрашена, оштукатурена, богато украшена, обнесена забором. Калитка и угловые деревянные столбы забора украшены деревянной резьбой, тело ступы декорировано геометрическим узором и раскрашенными изоб-